

Л. В. Рычкова (Гродно)

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ГРАНИ КОРПУСНОЙ РУСИСТИКИ

Более двадцати пяти лет тому назад Ю. Н. Карауловым было выделено 8 сфер «бытования» русского литературного языка: мертвый язык памятников письменности; устный язык диалектов; письменный язык литературы, документации и средств массовой информации; повседневный разговорный язык и просторечие; научно-технический и профессиональный язык; русский язык в электронно-вычислительной среде; неисконная русская речь; язык русского зарубежья [1, с. 7]. Этот континуум был недавно дополнен и уточнен финским русистом Арто Мустайоки в статье с «говорящим» названием «Разновидности русского языка: анализ и классификация» [2]. Отметим, что «бытование» русского языка в Беларуси никогда не укладывалось в схему только неисконной русской речи и не соответствует ни одной из разновидностей русского языка, исчисленных А. Мустайоки.

Действительно, факт реального доминирования русского языка в Беларуси не требует доказательств, поскольку именно данный идиом превалирует в различных коммуникативных сферах и обслуживает разнообразные коммуникативные практики личности независимо от этнического происхождения. При этом, будучи, по сути дела, импор-

тированным идиомом, русский язык в Беларуси, естественно, не получает жизненной, развивающей силы от диалектов и замещается повсеместно лишь кодифицированной, литературной, формой. Любое отступление от этой формы всегда рассматривалось как нежелательное, получало пейоративно-оценочное название, в то время как владение кодифицированной формой русского языка считалось и продолжает считаться абсолютным большинством населения Республики Беларусь более престижным, чем владение белорусским языком.

Выдающийся белорусский ученый А. Е. Михневич еще в советское время ввел в научный обиход понятие националектов русского языка, которые он не считал «ни вариантами русского национального языка, ни тем более вариантами русского литературного языка» [3, с. 11]. А. Мустайоки в своей статье справедливо отмечает, что «после распада Советского Союза положение русского языка и контингент его пользователей претерпели радикальные изменения» [2, с. 8]. Действительно, в большинстве получивших независимость государств постсоветского пространства, за исключением России и Беларуси, основную роль начинали играть этнические языки титульных наций, воспринимаемые как символ государственной независимости и мощный фактор новой, этнически ориентированной, идентичности. Тем не менее, де-факто русский язык продолжает стабильно удерживать высокий коммуникативный статус на постсоветском пространстве, а его националекты становятся источниками пополнения лексического фонда русского языка [4].

Одновременно количественно возрастают русскоязычные диаспоры за рубежом, и русский язык зарубежья, а также «особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов» [5] привлекают внимание многих исследователей-лингвистов [6, 7, 8 и др.].

Несмотря на высокий официальный статус и фактическое коммуникативное доминирование во всех сферах общения, русский язык в Республике Беларусь специально не нормируется, то есть в школьной практике изучаются те же нормы, что и в России. Соответственно, многие факты белорусской исторически многонациональной культуры, находя отражение в белорусском националекте русского языка, оказываются вне действия российской нормы и поддерживаются исключительно узусом.

Симптоматичным для русскоязычного пространства современной России является «допущение в литературный речевой оборот таких средств, которые до недавнего времени считались принадлежностью

некодифицированных подсистем русского национального языка» [9, с. 63]. Речь идет о «жаргонизации» литературного языка, проникновении в него профессионального просторечия. По мнению В. Д. Стариченка, «кризис переживает и русский язык в Беларуси. Он характеризуется резким снижением уровня грамотности и культуры речи в студенческой среде, в средствах массовой информации, в профессиональном и бытовом общении, а также политической сфере» [10].

Процесс «огрубления» и упрощения речи сопровождается процессами дифференциации и усложнения («интеллектуализации») общелитературного языка. Это, в свою очередь, отражается в формировании и весьма сложном взаимодействии между собой в реально существующем языковом материале предметно-ориентированных подъязыков, а также во взаимодействии между различными подъязыками и ядром общелитературного языка, что ведет к возрастанию степени консубстанциональности специальной лексики, представленной прежде всего в узусе речи и никак не закрепленной в словарях в связи с отставанием лексикографической практики.

Смещение акцентов с нормы на узус уже давно характеризует, например, практику преподавания английского языка как иностранного. Здесь важную роль сыграло развитие корпусной лингвистики, зародившейся, как известно, именно в англоязычной лингвистической науке. Ориентация лингвистических корпусов на узус неоднократно подчеркивалась в работах В. А. Плунгяна: «В известной дихотомии системы и узуса корпус ориентирует лингвистов на узус – хотя бы по той простой причине, что никогда раньше узус не был так хорошо доступен для исследований. Между тем, именно узус – т. е. тексты – и является единственной подлинной реальностью науки о языке, т. е. объектом, доступным непосредственному наблюдению» [11, с. 16].

Мировая история корпусной русистики (первые корпусы русского языка были созданы не в России) до времени создания Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ; доступен по адресу: <http://www.ruscorgo.ru>) изложена, например, в [12, 13 и др.]. Первые корпусы русского языка лингводидактической направленности также были созданы не в России, например используемый для целей обучения русскому языку небольшой глубоко аннотированный корпус ХАНКО [14] (доступен по адресу: www.slav.helsinki.fi/hanko), разработанный в Институте славистики Университета Хельсинки (Финляндия).

Именно корпусные технологии могут рассматриваться сегодня как основа лингводидактических инноваций в русистике, в том числе

направленных на освоение учащимися социально-коммуникативных особенностей региональных разновидностей русского языка, что уже было показано нами ранее в ряде публикаций [15, 16 и др.]. Следует отметить, что собственно дидактическая корпусная русистика еще не является достаточно развитой. Так, помимо уже упоминавшегося ранее корпуса ХАНКО, дидактической ориентацией отмечен лишь один подкорпус НКРЯ – обучающий.

Несмотря на небольшой объем, корпус ХАНКО по-прежнему представляет значительный интерес для языковедов-русистов, в том числе и с точки зрения заложенной в него идеологии, а также тщательно разработанной системы параметров базы данных [14, с. 35–37], совмещающих российскую и европейскую лингвистические традиции.

С точки зрения репрезентации «чистой» литературной нормы русского языка, незаменимым является, на наш взгляд, обучающий подкорпус НКРЯ, представляющий собой, как утверждают его разработчики, «корпус со снятой омонимией, разметка которого ориентирована на школьную программу русского языка». Особенностью обучающего подкорпуса НКРЯ является возможность учета места ударения при поиске точных форм, а также разграничение букв «ё» и «е». Несмотря на ориентацию исключительно на учебные цели, обучающий подкорпус НКРЯ не свободен от ошибок разметки, неизбежных при автоматической обработке больших массивов текстов.

Особой значимостью в области преподавания русского языка как иностранного традиционно обладают корпусы на материале средств массовой информации, например «газетные» корпусы, использование которых важно для формирования как «культурной грамотности» учащихся, так и медиакомпетенции, составляющей важную часть «социально-культурной компетенции» [17, с. 208–209]. Вышесказанное определяет важность и актуальность создания региональных корпусов русскоязычных средств массовой информации для изучения социально-коммуникативных особенностей диалектов русского языка. Именно такой корпус на материале региональной прессы Гродненщины, созданный в рамках международного проекта, поддержанного одновременно Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом, положил начало формированию «в составе НКРЯ нового модуля, представляющего региональные варианты литературного стандарта» [18, с. 352].

Основным отличием корпуса Гродненщины, позволяющим говорить о нем как о принципиально новом типе лингвистического корпу-

са, является его «смешанный» характер, отражающий социокультурную специфику аутентичного языкового материала, на котором был построен этот электронный языковой ресурс. Так, в корпусе Гродненщины нашли отражение факты русскоязычных вкраплений в текстах на белорусском языке, белорусскоязычных – в текстах на русском, а также, в меньшей степени, – польскоязычных и иных вкраплений. Неожиданно незначительной оказалась доля англицизмов, как известно, весьма широко представленных на страницах российских газет. Вкрапления типа «белорусское в русском» количественно преобладают над вкраплениями типа «русское в белорусском». В подавляющем большинстве случаев такие вкрапления используются осознанно, то есть их нельзя рассматривать как проявление интерференции.

Осознанное переключение кодов, хотя и требует специальной дидактической интерпретации, все же не имеет в большинстве случаев негативных последствий при использовании смешанного корпуса в практике преподавания русского языка. Иное дело, когда в русскоязычных текстах встречаются факты «белорусского адаптированного» (данный термин принадлежит А. Ю. Станкевич и впервые использован в [19]). Речь идет об адаптации к нормам письменной русской речи лексем, в строгом смысле слова не принадлежащих русскому языку. Подобные случаи требуют специальной интерпретации при обучении русскому языку в условиях Республики Беларусь.

Еще одним видом многоцелевого лингвистического корпуса, который может успешно использоваться в дидактической практике русистики, являются параллельные иноязычно-русские корпуса, которые уже нашли широкое применение в учебной практике подготовки переводчиков. В обучении «русскому» речевому поведению может с успехом использоваться мультимедийный подкорпус НКРЯ.

Таким образом, несмотря на незначительное количество корпусов русского языка собственно дидактического назначения и отсутствие таких языковых ресурсов, как репрезентативные учебные корпуса (*learner corpora*), различные модули НКРЯ могут и должны использоваться для обучения русскому языку, в том числе русскому языку как иностранному.

1. Караулов, Ю. Н. О состоянии русского языка современности / Ю. Н. Караулов. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1991.

2. Мустайоки, А. Разновидности русского языка: анализ и классификация / А. Мустайоки // Вопросы языкознания. – 2013. – № 5. – С. 3–27.

3. Русский язык в Белоруссии / под ред. А. Е. Михневича. – Минск: Наука и техника, 1985.

4. Коренькова, Т. В. Вклад русскоязычья Украины, Беларуси и Молдавии в современный лексический фонд русского языка / Т. В. Коренькова, А. В. Кореньков // Русский язык в центре Европы. – 2013. – № 16. – С. 27–37.

5. Рогова, А. С. Особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье / А. С. Рогова // Вопросы языкознания. – 2010. – № 4. – С. 27–35.

6. Вахтин, Н. Б. Русские языки / Н. Б. Вахтин, А. С. Мустайоки, А. С. Протасова // Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to the Non-Standard Russian. *Slavica Helsingiensia* 40. – Helsinki: Yliopistolainio, 2010. – С. 5–17.

7. Грановская, Л. М. Русский язык в рассеянии. Очерки по языку русской эмиграции первой волны / Л. М. Грановская. – М.: ИРЯ РАН, 1995.

8. Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты / отв. ред. Е. А. Земская. – М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2001.

9. Крысин, Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века / Л. П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – № 5. – Сеул, 2000. – С. 63–91.

10. Стариченок, В. Русский язык в Беларуси [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/1581/1/РУССКИЙ%20ЯЗЫК%20В%20БЕЛАРУСИ.pdf>. – Дата доступа: 15.10.2016.

11. Плуноян, В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В. А. Плуноян // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 16 (2). – С. 7–20.

12. Sharoff, S. Methods and tools for development of the Russian Reference Corpus / S. Sharoff // *Corpus Linguistics around the World*. – Amsterdam: Rodopi B. V., 2006. – P. 167–180.

13. Копотев, М. В. Современная корпусная русистика / М. В. Копотев, А. Мустайоки // *Slavica Helsingiensia* 34: Инструментарий русистики: корпусные подходы. – Хельсинки, 2008. – С. 7–24.

14. Копотев, М. В. Принципы создания Хельсинкского аннотированного корпуса русских текстов (ХАНКО) в сети Интернет / М. В. Копотев, А. Мустайоки // НТИ. Сер. 2, Информационные процессы и системы. – 2003. – № 6. – С. 33–37.

15. Рычкова, Л. В. Национальные мегакорпусы в изучении лингвокультурем / Л. В. Рычкова, Е. Р. Кныш // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы IV Междунар. науч. конф., Минск, 3–5 дек. 2009 г.: в 2 ч. – Минск: МГЛУ, 2009. – Ч. 1. – С. 23–25.

16. Рычкова, Л. В. Корпусные технологии как основа инноваций в преподавании иностранных языков / Л. В. Рычкова // Кросс-культурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Минск: БГУ, 2012. – С. 205–208.

17. Кудрявцева, Е. Л. К вопросу о значении медиа-компетенции в современном обществе и процессе ее формирования у носителей русского языка как родного и студентов-иностранцев / Е. Л. Кудрявцева // Сборник материалов научной программы российской экспозиции Международной выставки «Эксполингва-2007». – М., 2008. – С. 208–214.

18. Кустова, Г. И. Изучение лексико-семантической и социокультурной специфики русской речи на территории Республики Беларусь (на материале текстов СМИ) / Г. И. Кустова, С. О. Савчук // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2013». – СПб.: СПбГУ, 2013. – С. 344–352.

19. Рычкова, Л. В. Многоцелевой лингвистический корпус региональных СМИ / Л. В. Рычкова, А. Ю. Станкевич // Информационно-коммуникативные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. – Вып. 6. – М.: Центр дистанц. образования: Факультет иностр. яз. и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова; Изд-во «Университетская книга», 2014. – С. 488–497.